

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Приключения
Большой семьи:

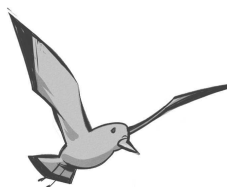
1. Бунт пупсиков
2. День карапузов
3. Таинственный ктототам

Детективные
приключения
Большой семьи:

4. Золото скифов
5. Похищение Пуха

Дмитрий Емец

БУНТ Пупсиков

#эксмодетство

Москва

2021

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник *Карина Хатминская*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Бунт пупсиков / Дмитрий Емец. — Москва :
Эксмо, 2021. — 272 с.

ISBN 978-5-04-123027-2

В дружной и весёлой семье Гавриловых семеро детей. А ещё три собаки, одна кошка, ручные крысы, красноухая черепаха и даже голуби... Вся эта большая семья живёт в небольшом приморском городке, и её жизнь напоминает весёлую череду приключений. Например, к Алёне каждую ночь прилетает дракон, Саша всё время что-то выдумывает, старший Петя проспорил уже целых два миллиарда рублей двухлетней Рите, Вика обожает лошадей и поэтому научилась скакать галопом, как лошадь, Костя — чемпион по боданию, Катя знает всё на свете и всегда готова дать совет, а все вместе они пытаются вырыть тоннель до центра земли!

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-123027-2

© Емец Д., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Светлой памяти моего папы
Александра Ивановича*

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ

Двое детей — это уже много,
а трое — это ещё мало.

Общеизвестный факт

В городе Москве в двухкомнатной квартире жила-была семья Гавриловых. Семья состояла из папы, мамы и семерых детей.

Папу звали Николай. Он писал фантастику и боялся даже ненадолго отойти от компьютера, чтобы мелкие дети не впечатали в текст какие-нибудь посторонние буквы. Но буквы ещё ладно. Много хуже, когда дети случайно ухитрялись удалить кусок текста, а папа обнаруживал это только месяц спустя, когда начинал править книгу.

И ещё папу всё время дёргали, потому что он работал дома, а когда человек работает дома, всем кажется, что он всегда свободен. Поэтому папа вставал в четыре утра, прокрадывался с ноутбуком на кухню и замирал, когда слышал, что в соседней комнате по полу начинают стучать детские пятки. Это означало, что ему не удалось выбраться из комнаты незаметно и сейчас на нём повиснут один-два ноющих ребёнка.

Маму звали Анна. Она работала в библиотечном центре главной умелой рукой в кружке «Умелые руки».

Правда, чаще она сидела дома, потому что у неё рождался очередной малыш. И ещё у мамы одно время был интернет-магазин развивающих игр и учебных пособий. Интернет-магазин находился на застеклённом балконе. Там он обитал на множестве полок, которые папа сколотил, попадая молотком себе по пальцам. Детям очень нравилось, что у них есть свой магазин. А ещё больше нравилось, когда мама в большой комнате собирает заказы, раскладывая на ковре десятки разных интересных игр.

Они тогда сидели и говорили друг другу: «Главное — ничего не трогать!»

При этом старшие на всякий случай держали младших за руки. Младшие же или кусались, потому что не очень приятно, когда тебя держат, или проникались чувством ответственности и тоже поучали друг друга: «Главное — положить всё на место!» и «Главное — если открыл пакетик, потом его аккуратно закрыть!».

Но всё равно, если мама ненадолго отлучалась, чтобы выключить молоко или ответить по телефону, бандероли покупателям уходили с неправильно рассортированными кубиками, выгрызенной мозаикой или совсем без фишек. А один заказчик получил в коробке папину тапку и был недоволен примерно в той же степени, что и папа. Они оба потом долго

созванивались, договариваясь, где им встретиться, чтобы вернуть тапку, но так и не встретились. Около полугода папа Гаврилов утаскивал вторую тапку у кого-нибудь из детей или у мамы, а они его все хором разоблачали.

Кроме детей, умелых рук и игр на маме была работа семейного доедалы. Как только у неё появлялось свободное время, она сразу доедала всё с детских тарелок и шла спать.

— Меня не кантовать! — заявляла она.

Пете, самому старшему из гавриловских детей, было пятнадцать. Он целыми днями с кем-то тайно разговаривал по телефону, выскочив на лестничную площадку, где его могли слышать только пять этажей соседей, уроки делал глубокой ночью и дома отгораживался от братьев и сестёр мебелью, на которую вешал таблички **«Не входить!»**. В школьных анкетах Петя писал, что он единственный ребёнок в семье, а на улице шёл в стороне от всех, чтобы не подумали, что вся эта толпа — его родственники.

При этом, когда младшие дети иногда на неделю уезжали к бабушке, Петя явно скучал. Ходил по пустой квартире, заглядывал под кровати и задумчиво говорил: «Чего-то тихо как-то! А эти-то когда приедут? Скоро уже?»

Его сестре Вике было тринадцать. Она не могла сесть за стол, пока на нём была хотя бы одна крош-

ка. И не могла лечь в кровать, пока не разгладит простыню так, что исчезнет последняя складочка. Ещё Вика постоянно танцевала сама с собой и принципиально читала только те книги, в которых действуют или хотя бы просто попадают лошади. Например, в «Войне и мире» лошади встречаются — значит, «Войну и мир» она читала. А в «Горе от ума» лошадей нет — значит, «Горе...» оставалось навеки непрочитанным, хоть бы учительница даже повесилась на шторах. И не важно, что «Горе...» в семь раз короче и в пять раз проще.

Домашнее задание Вика всегда выполняла с огромной тщательностью и по полчаса страдала, когда строчка подходила к полям, а у неё оставалось ещё три буквы или цифры. На новую строчку переносить глупо, а если закончить на этой, то придётся залезть за поля!

Мама и папа не уставали удивляться, как Вика ухитряется совмещать в себе романтика, любящего лошадей, и все эти складочки на простынях, страдание из-за залезания на поля и крошек на столе.

Кате недавно исполнилось одиннадцать. У неё было прозвище Екатерина Великая. Она единственная из всех детей знала пароль от «большого ком-

пьютера», и братьям и сёстрам приходилось умолять её, чтобы она его включила. «Зачем? А ты уроки сделала? Ты руки помыла? Ты вещи свои убрал? Зубы когда ты последний раз чистил?» — строго спрашивала Катя, после чего обличаемый с воплем «у-у-у» и слезами нетерпения на глазах мчался торопливо давиться кашей или чистить зубы.

Однажды папе это надоело, и он вообще удалил с компьютера пароль. Но от этого всем стало только хуже. Дети ссорились — каждый хотел

Алёна

смотреть или делать на компьютере что-то своё, а малыши сидели перед монитором столько времени, что падали со стульев. Поэтому пришлось вернуться к системе Катиного самовластия, и опять всё стало спокойно.

В свободное от активного руководства время Катя ходила по квартире и расклеивала жёлтые бумажки с объявлениями: «**Стулья не красть! Они поставлены окончательно!**» или «**Поигранные игрушки должны быть убраны до 19.00!**».

Алёне было восемь. Она постоянно влюблялась, и это удивляло её сестёр, потому что Катя и Вика, хотя и были старше, влюблялись крайне редко. У Алёны было

прозвище Девочка Нет. Попросишь её что-нибудь сделать — она сразу крикнет: «Нет! Ни за что! Фигушки!» И сразу сделает. А другие ответят: «Да-да, сейчас!» — а потом три часа надо ждать. И поэтому получалось, что Девочка Нет помогала с малышами больше всех.

Шестилетний Саша был великий химик. Он смешивал всё подряд с чем попало и смотрел, что из этого выйдет. Например, смешает обувной крем с яблочным соком, пшикнет туда дезодорантом из туалета и проверяет, взорвётся это или не взорвётся. Больше всего от Сашиных опытов страдали продукты, особенно мука и яйца, и жидкости с верхних полок в ванной. Однажды он случайно открыл, что укус и сода, если всё правильно смешать, могут устроить большой бабах, и с тех пор укус и соду приходилось чуть ли

БУНТ ПУПСИКОВ

не скотчем приклеивать к потолку, потому что Саша их вечно похищал. Свои таланты Саша скромно характеризовал так: «Теперь меня зовут Сверхспособность! Теперь меня зовут Мегамозг! Теперь меня зовут Летающая Тряпка!»

У четырёхлетнего Кости плохо работала левая рука, и он немного хромал. Но хромота не мешала ему даже бегать, а вот руку приходилось постоянно разрабатывать, что было причиной вечного маминого беспокойства. Зная, что на левую руку он положиться не может, Костя всё время ходил с деревянной саблей и мастерски умел бодаться. Саша и Костя могли сосуществовать мирно не больше пяти минут в сутки. Даже в машине их нельзя было сажать рядом, а только ещё через какого-нибудь ребёнка. Зная твёрдость Костиной головы, Саша драться с ним боялся и предпочитал взрывать брата издали или обстреливать из катапульт. Заканчивалось всё обычно тем, что Саша подбивал Косте глаз кубиком и прятался от его ярости под диваном, а Костя колотил по дивану саблей и кричал: «А-а! Убейте его по попе!»

Рите недавно исполнилось два. Разговаривала она ещё плохо, но была очень круглая и вечно ела. Первый завтрак, второй завтрак, третий завтрак, а там уже и время обеда придёт. Если же

еду от неё прятали, Рита похищала из ванной мыло и обгрызала края. И ещё Рита постоянно хотела за-получить именно те вещи, которые находятся в руках у её братьев и сестёр. Пеналы, рюкзаки, учебники — не важно что. Чтобы добиться своего, она устраивала дикие концерты. Поэтому другие дети вечно придумывали варианты, как её обхитрить. Возьмут какой-нибудь носок или никому не нужную голову от куклы и притворятся, что ни за что не дадут их Рите. Рита устроит концерт, получит голову куклы и побежит её прятать. И все уже могут спокойно делать уроки.

Когда такая большая семья гуляла, то все охали. К ним часто подходили разные люди, особенно пожилые, и спрашивали:

— Это все ваши?

— Ну да, наши, — осторожно отвечали папа и мама.

Дома дети спали на двухэтажных кроватях, стоявших буквой «П», а у младших, кроме того, были ещё детские кроватки с вынутыми рейками боковой решётки. Потому что когда боковые рейки не мешают, кровать можно поставить вплотную к родительской и вкатывать-выкатывать туда детей как колобков.

Но, несмотря на все ухищрения, в двухкомнатной квартире Гавриловы уже помещались плохо, ванная была вечно занята, дверь туалета то и дело сносили с петель, а отношения с соседями по подъезду были прохладными. Видимо, из-за внутренних перегородок

дома, которые были очень тонкими и легко пропускали звуки. Большинство соседей входили в положение, но на втором этаже обитала одинокая старушка, которую вечно терзали подозрения, что детей ночами пилят тупой пилой.

— Почему они у вас так орал в час ночи?

— Потому что Рита хотела пойти в магазин, а другие дети её успокаивали, — терпеливо объясняла мама.

— Вы родители! Объясните ей, что в час ночи магазины не работают!

— Мы объясняли, но она поверила, только когда мы отвезли её в магазин на машине и показали, что он правда закрыт!

— Мне это всё не нравится! Я буду бдеть! — бледнея, говорила бабушка.

— Ну и бдите себе! — разрешала ей мама, но настроение у неё портилось.

Мама ходила из комнаты в комнату и умоляла детей говорить шёпотом. Старшие дети её ещё более или менее слушались, но младшие совершенно не умели шептать.

— МАМ, Я ЖЕ ВЧЕРА ПРАВИЛЬНО ШЕПТАЛ, ДА? — вопили они из ванной через закрытую дверь.

Мама хваталась за голову, а папа говорил:

— Знаешь, мне кажется, я понял значение слова «орава»!

— И какое?